

УДК 81'373:[811.161.1+811.512.164]

Ахмет Али Айдын
кандидат филологических наук,
учредитель Международной школы «Меридиан» (г. Киев, Украина)

КОНЦЕПТ «БОЛЬ» В РУССКОЙ И ТУРЕЦКОЙ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. А. БУНИНА И Я. К. БЕЯТЛЫ)

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению концепта «боль» в русской и турецкой картинах мира, следует заметить, что на сегодняшний день сам термин «концепт» является одним из наиболее спорных и неоднозначных в лингвистической науке. Подобная ситуация обуславливается, прежде всего, наличием множества его трактований, как схожих, так и кардинально отличающихся друг от друга. Напомним, что корнями упомянутый термин уходит в эпоху средневекового концептуализма (Т. Гоббс, П. Абеляр, У. Оккам), где он рассматривался как «универсалия, которая обобщает признаки вещей, содержит важную и актуальную информацию и создана умом для его внутреннего использования» [1, с. 257]. П. Абеляр полагал, что концепты возникли в Божественном разуме еще до создания природы, выступая в виде идеи Бога и прообразов единичных объектов. Немаловажным является тот факт, что концептуализм заложил фундамент для философского трактования термина «концепт»: Ж. Делез и Ф. Гваттари утверждали, что «концепт» является исключительно философской категорией, называя его «узлами сетки, протянутой философом через вечный хаос» [1, с. 257]. Подчеркнем: именно это послужило причиной того, что многие исследователи стали упоминать неизолированность, открытость как неисчерпаемость содержания, наличие в его составе структурированных концептуальных сфер, являющихся фоном концепта, целостность, нежесткую структурированность, динамизм и креативность в качестве признаков концепта как такового.

Е. А. Селиванова отмечает, что в русском варианте термин «концепт» был введен в 1928 г. в статье «Концепт и слово», авторство которой принадлежит философу С. А. Аскольдову. Ученый использовал этот термин для обозначения ментального образования, которое в процессе мысли заменяет человеку неопределенное количество предметов одного рода, то есть С. А. Аскольдов рассматривал «концепт» как общее родовое понятие относительно конкретных видовых понятий одного и того же класса.

Следует подчеркнуть, что проблема дефиниции «концепта» и ныне остается актуальной

не только для русской, но также и для турецкой лингвистики и, в частности, семасиологии, поскольку усвоение и укоренение термина «концепт» в языковедческой терминологии упомянутых языков сопровождается преодолением (или, наоборот, непреодолением), как утверждает Т. В. Радзиевская, стойкой ассоциации в языковом сознании носителей языка, в рамках которой слово «концепт» отождествляется с термином «понятие». Именно поэтому «концепт» нередко становится предметом активных научных дискуссий. В подтверждение данного тезиса рассмотрим определение «концепта», предложенное авторитетным турецким изданием *Türkçe Sözlük* (TDK): «Концепт (от фр. concept) – это 1) понятие; 2) понимание чего-либо, точка зрения, мысль» [2, с. 1209]. Как видим, турецкие ученые также склонны интерпретировать его как синоним «понятия». Примечательно, что Ю. С. Степанов, исследуя сущность «концепта» и «понятия», сумел четко их разграничить, приводя весомые аргументы на этот счет: «В отличие от понятий в собственном смысле термина (таких, скажем, как «постановление», «юридический акт», «текст закона» и т. п.), концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [3, с. 43].

Необходимо также констатировать, что термин «концепт» определенным образом связан со «смыслом». В данном контексте важно четко усвоить разницу между «концептом», «понятием» и «смыслом», о чем весьма лаконично, но в то же время предельно точно высказался В. Г. Зусман: «Смысл отличается от значения, поскольку он целостен, то есть имеет «отношение к ценности – к истине, красоте и т. п.». Смысл не существует без «ответного понимания, включающего в себя оценку». Смысл всегда кто-то открывает, распознает. Смысл подразумевает наличие воспринимающего сознания и его носителей: конкретных деятелей, коммуникантов. Этим **СМЫСЛ** отличается от **ПОНЯТИЯ**» [4].

Еще одним фактором, в связи с которым «концепт» не имеет четкого и однозначного определения, выступает его междисциплинарный характер (поскольку данный термин используется в разных науках и областях

знаний: математике, логике, лингвистике, философии, культурологии, психологии, антропологии, социологии и т. д.).

Известный украинский языковед Е. А. Селиванова, рассматривая «концепт» в своей работе «Современная лингвистика: терминологическая энциклопедия», приходит к выводу о том, что он представляет собой «информационную структуру сознания, разнотрансную, определенным образом организованную единицу памяти, которая содержит совокупность знаний об объекте познания, вербальных и невербальных, приобретенных путем взаимодействия пяти психических функций сознания и бессознательного» [1, с. 256]. Нелишним будет заметить, что Е. А. Селиванова во многом отталкивается от классического определения «концепта», данного Е. С. Кубряковой: «Концепт – термин, который служит объяснению единиц ментальных и психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отображенной в психике человека» [1, с. 256].

Переходя к анализу концепта «боль» в русской и турецкой картинах мира, мы считаем целесообразным обратиться к их определениям в обоих языках. С. И. Ожегов лаконично и точно дефинирует «боль» в «Словаре русского языка»: «Боль – ощущение страдания. Зубная б. **Душевная б.**» [5, с. 54]. В произведениях И. А. Бунина тема боли и страданий является одной из ключевых. Автор по праву считается признанным мастером передачи всей глубины человеческих эмоций и переживаний. В подтверждение данного тезиса приведем несколько примеров из его произведений: «Он был особенно жалок в это утро, и хозяйка, как всегда, ровная, спокойная, ясная молодежь лицом и взглядом чистых глаз, тоже слушая с тайной **болью** в сердце голоса под соснами, искоса поглядывала на него»; «Мне все это очень **больно** вспоминать»: «Посиди возле меня, Витик, мне **больно**, мне грустно, расскажи что-нибудь смешное...» [6].

В «Большом словаре турецкого языка» четко различаются лексемы *acı* и *acı*, первая из которых характеризуется как: «1. Чувство жжения / горечи, оставляемое некоторыми веществами на языке, антоним **сладкого**: Он любит **горькое / острое**. 2. Нечто, имеющее подобный вкус: «Он неспешно попил **горький кофе**» – Т. Бугра. 3. Неудобство, мучение, испытываемое под влиянием какого-

либо внешнего фактора: «Обжигающая **боль** и чувство ужаса, охватившие всё его тело вплоть до плеч, продлились недолго» – П. Сафа. 4. Грусть, печаль и огорчение, вызванные смертью, пожаром, землетрясением и подобными явлениями: «Сильнее всего человек испытывает **боль**, приносимую смертью, под конец дня» – Ю. З. Ортач. 5. Темный (о цвете): «В странах с жарким климатом в этом сезоне преобладает только один цвет – **темно-зеленый**» – Р. Х. Карай. 6. Острый, неприятный, сильный: «**Неприятный** северо-восточный ветер дул со страшной силой» – О. Кемаль. 7. Обидный, огорчающий, оскорбительный, неприятный, страшный: «**Обидное** слово способно отвернуть человека от религии» – поговорка [2, с. 7]. Что касается лексемы *acı*, составители упомянутого словаря трактуют ее как «Сильную боль, испытываемую в той или иной части тела: «Утром он проснулся с сильнейшей болью в плече» – Х. Танер» [2, с. 40]. Лексема *acı* нередко встречается в поэзии Я. К. Бятылы: «Annemin na'şini gördümdü; Bakıyorken bana sabit ve donuk gözlerle, **Acıdan** çildiracaktım» [7]; «Очень давно я видел бездыханное тело своей матери; Когда на меня смотрели ее неподвижные и тусклые глаза, я чуть не обезумел от **боли**».

Как полагают авторы статьи «Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации» А. А. Бонч-Осмоловская, Е. В. Рахилина и Т. И. Резникова, лексическая зона «боли» поистине уникальна [8, с. 8]. Исследование данного концепта в разных языках продемонстрировало, что собственно глаголов «боли» есть всего несколько (до пяти, а чаще просто один-единственный глагол – как в русском, ср. *болеть*, или два, как в английском, ср. *ache, hurt*¹). Одновременно объем самой лексической зоны достаточно стандартен – в «богатых» системах (как русская или немецкая) он превышает полсотни систем, но и в... «бедных» (как французская) составляет более двадцати [8, с. 8–9]. Весьма примечательным, на наш взгляд, является тот факт, что «болевая» лексика, как правило, таковой и не является, поскольку она нередко заимствуется языком из других полей – поля звука, поля движения, поля разрушения и еще нескольких, и носителями употребления соответствующих глаголов (равно как и существительных, и других частей речи) воспринимаются как «несобственные», то есть переносные. Так, русский глагол *резать* классифицируется как глагол воздействия инструментом,

¹ К собственно болевым глаголам в английском можно отнести также *to pain*, однако в современном языке он практически не используется для обозначения физиологической боли.

а кроме того используется как «болево́й», ср. *глаза режет*; то же верно и для глагола *кружиться*, ср. *листья кружатся, падая* [‘движение’] VS. *голова кружится* [‘боль’], а также глагола *гудеть*, ср. *в трубе что-то гудело* [‘звучание’] VS. *ноги гудят* [‘боль’] и мн. др. [8, с. 9]. Следует отметить, что подобное явление характерно и для турецкого языка: глагол *yanmak* (гореть, загореться, подгореть) может относиться к группе горения: например, *komşularımızın evi yanıyor* (дом наших соседей горит); также он способен выражать болевые ощущения: *sanım yanıyor* (мне больно; букв у меня душа горит). В стихотворении Я. К. Баяты «Свидание с любимой» (Vuslat) встречаются исключительно поэтические строки, в которых как нельзя ярче реализуется одна из граней концепта «боль» в турецкой картине мира: «*Bir faciadır böyle bir alemde uyanmak... Günden güne, hicranla bunalmış gibi, yanmak...*» [9]. Поэт, употребляющий один из «болевых» глаголов *yanmak*, подразумевает следующее: «*Просыпаться в подобном мире подобно трагедии... Это значит гореть изо дня в день, будто страдающий от печали...*». В дальнейших рассуждениях в рамках данной статьи мы будем исходить из проиллюстрированного выше принципа обширности семантического поля концепта «боль».

Основные источники, из которых могут заимствоваться существительные и глаголы «боли» как в русском, так и в турецком языке, можно подразделить на 5 групп: **группу 1** образуют глаголы, связанные с идеей горения. В русском языке данная область представлена предикатами *гореть, жечь и печь* [8; с. 9]: «*И он побаивался запаздывать на пути из Дурновки, ощупывал в кармане бульдог, надоедливо оттягивавший карман шаровар, давал себе клятву сжечь дотла Дурновку в одну прекрасную ночь... отравить воду в дурновских прудах...*» [10]; «*Да такая okazia: третий раз горю дотла!*» [11]. В турецком языке среди глаголов, ассоциирующихся с воздействием огня, можно выделить, в частности, такие как *yanmak* (гореть), *kayna(t)mak* (кипеть / кипятить), *pişmek* (вариться), *damgalamak* (ставить метку / выжигать клеймо), *acıtmak* (причинять острую / жгучую боль) и *yakmak* (поджигать / сжигать) [8, с. 283]. Примеры глаголов группы горения, олицетворяющих концепт «боль», находим в поэзии Я. К. Баяты: «*Esef etmez güneşin şimdi neler yiktiğine*» [12] («*Ему не жаль всего, что солнце подожгло сейчас*»); «*Bilmemiş var mi geniş yeryüzünün serhaddi, yikmiş ufkunda durup karşı koyan her seddi*» [13] («*Он не знал, есть ли на свете огромном границы, он сжег все*

препятствия, которые оно возвело на своем горизонте»).

Группа 2 объединяет глаголы (и другие части речи), соотносимые в русском и турецком языках с идеей **разрушения** или **деформации** объекта [8, с. 10]. Данную группу можно подразделить на следующие таксономические классы:

- воздействие инструментом: например, рус. *резать, колоть* [8, с. 10]: «*Ребята! – заорал приказчик, хотя кругом никого не было. За старостой! Прислушайте: он меня заколоть хотел, сукин сын!*»; «*Резать, – ответила старостиха серьезно и печально*»; «*А можешь ты эту лошадь пером **резать?***» [10]; есть и примеры с тур. *kesmek* (резать), *kırmak* (ломать), *kamaştırmak* (слепить / набивать оскомину), *delmek* (прокалывать) [8, с. 294] и т. д.: «*Gözler **kamaştıran şala, meftun eden güle, her kalbi dolduran zile, her sineden “Ole!”***» [14] («*Ура!*» от всех нас поволоке, **слепящей** глаза, розе, завораживающей своей красотой, звону, наполняющему каждое сердце»);
- воздействие квазиинструментом (таким как зубы, когти и под.) [8, с. 10]: *kaşınmak* (чесать / чесаться) [8, с. 297] и в определенной мере *ağlamak* (плакать): «*Geldi köy kızları, el bağladılar... Diz çöküp **ağladılar, ağladılar!***» [15] («*Пришли деревенские девушки, приготовились к молитве... Сев на колени, стали горько **плакать***»);
- воздействие руками, в т. ч.:
 - **разрушение структуры**, например, рус. *ломать, ломить* [8, с. 10]: «*Ух, какое это было бы упоение – дать ей самую зверскую пощечину и **проломить** ему голову бутылкой шампанского, которое они распивают сейчас вместе!*» [6]. В турецком языке данная группа представлена глаголами *bozulmak* (ломаться / выходить из строя), *patla(t)mak* (взрываться / взрывать) [8, с. 303] и *harap(b) olmak / etmek* (разрушаться / погибать / разрушать): «*Hayatı bir camın ardında gösteren tilsim **bozulmuş, anlıyorum, çıktığım seyahatte***» [16] («*Я понимаю, что талисман, отображающий жизнь за стеклом, **утратил свою силу***»); «*Ya şevk içinde **harab ol, ya aşk içinde gönül***» [17] («*Сердце должно **погибнуть** либо в радости, либо в любви*»);
 - **мягкая деформация**, к примеру, рус. *щипать, тянуть, дергать, давить, жать, щемить* [8, с. 38]: «*Удавить тебя, Макарка, мало за твои шашни! Макарка поглядел на слепого, стоявшего прямо, твердо, с высоко поднятыми бровями, и спросил его: – Человек божий, как*

по-твоему? **Удавить** ай расстрелять?» [10]; что касается турецких метафор мягкой деформации, то к ним следует отнести, в частности, *çekmek* (тянуть), *bükme* (сгибать), *dokunmak* (прикасаться / негативно отражаться) [8, с. 298]: *Beli büküldü* (У него свело поясницу) [8, с. 301].

Группу 3 составляют глаголы **звука** [8, с. 10]: в русском языке среди них можно выделить глаголы *ныть*, *гудеть*, *звенеть* в сочетаниях типа *сердце ноет*, *ноги гудят*, *в ушах звенит* и т. п. [8, с. 10]; к турецким глаголам звуковой сферы следует отнести глаголы, определяемые О. А. Тищенко-Монастырской как «глаголы антропоморфного поведения» [8, с. 306], к которым относятся, прежде всего, глагол *sızlamak* (болеть / ныть) и существительное с тем же корнем в основе – *sızı* (ноющая боль): «*Duyamaz bu anda taş gibi kalbinde bir sızı*» [18] («Сейчас она не чувствует **ноющей боли** в своем каменном сердце»). Турецкие глаголы звука также представлены лексемами *uğuldamak* (издавать однотонный звук; гудеть / выть; шуметь), *gıcırdamak* (скрипеть), *çatlama* (треснуть), *gürültü etmek* (шуметь / создавать шум) и т. д. «*Artık bu dağdağayla uğuldar deniz ve dağ*» [18] («Теперь море и горы тревожно шумят»); «*Bir top gürültüsüyle bu sâhilde bitti gün*» [19] («День на побережье завершился с шумом разорвавшейся бомбы»).

В **группу 4** включаются глаголы **движения** и **каузации движения** [8, с. 11]. В русском языке среди них следует отметить глаголы *крутить* (*живот крутит*) и *кружиться* (*голова кружится*) [8, с. 11]. Среди глаголов движения турецкого языка в данном контексте можно назвать *dönmek* (возвращаться / вращаться / кружиться): «*Başım dönüyor*» [20, с. 152] («У меня **кружится** голова»).

К **группе 5** относятся, прежде всего, глаголы, описывающие **потерю функциональности** [8, с. 11]. Исследуя подобные глаголы в русском языке, М. С. Козлова относит к ним такие, как *онеметь*, *отказаться*, *отняться*, *затекать*, *оцепенеть*, *окоченеть*, *закоченеть* [8, с. 54]: «*Войдя к себе, я, не зажигая свечи, сел на диван и застыл, оцепенел в том страшном и дивном, что так внезапно и неожиданно совершилось в моей жизни*» [6]; «*Руки его, сложенные и закоченевшие под огромной грудью на чистой посконной рубахе, уродованные мозолистыми наростами в течение целых восьмидесяти лет первобытно-тяжкой работы, были так грубы и страшны, что Кузьма поспешил отвернуться*» [6]. Подробно проанализировав данную группу глаголов в турецком языке,

О. А. Тищенко-Монастырская выделила среди них такие, как *dayan(a)matmak* (не выдержать / не смочь выдержать), *duymamak* (не чувствовать), *tutulmamak* (не держаться), *yummak* (жмурить), *ağırlaşmak* (тяжелеть / становиться тяжелым), *dolmak* (наполняться), *boğmak* (душить), *ayrılmak* (уходить / отделяться), *üşütmek* (зябнуть / мерзнуть / цепенеть) и др. [8, с. 308]. Сюда же, с нашей точки зрения, можно добавить глаголы *kesilmek* (прекращаться), *durmak* (останавливаться): «*Musikîyle bir alem kesilir, çalkantı!*» [21] («С музыкой **останавливается** Вселенная, **утихомиривается** буря»); «*Hiç durmadan, hayat öğütür devreden bu çark, ölmek sırayıdır, sıralanmakta varsa fark*» [22] («**Жизнь без остановки** вращает это колесо, умираем по очереди, если она имеет хоть какое-то значение»).

Подводя итоги описанного выше, необходимо заметить, что семантическое поле концепта «боль» как в русской, так и в турецкой картине мира является достаточно обширным. Однако невозможно не отметить и тот факт, что турецкая лексическая система в данном контексте демонстрирует большее разнообразие лексем для обозначения боли: если в русском языке ядром упомянутого концепта считается само слово «боль», то в турецком к основным лексемам, передающим разные виды боли, относятся, в частности, *acı* (боль), *acı* (сильная боль), *sancı* (острая боль / колики / резь) *sızı* (ноющая боль) и т. д. Таким образом, те виды боли как таковой, которые передаются в русском языке с помощью соответствующих прилагательных (режущая, острая, ноющая, колющая, тупая, спазматическая и т. п.), в турецком реализуются в виде конкретных лексем, заключающих в себе тонкие оттенки значений.

В целом, резюмируя приведенный в данной статье материал, мы приходим к выводу о том, что в поле концепта «боль» есть небольшое ядро, состоящее максимум из нескольких собственно «болевых» глаголов (которые, как правило, представляют собой довольно близкие и не очень четко различающиеся квазисинонимы), а все основные противопоставления обслуживаются в нем переносными значениями «гастарбайтеров» из других семантических классов [8, с. 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава : Довкшля-К, 2006. – 716 с.
2. Türkçe Sözlük / Prof. Dr. Recep Toparli tar. denetlenmiştir. - Ankara : Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. – 2244 s.
3. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

4. Зусман, В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html>.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. – 896 с.
6. Бунин, И. А. Темные аллеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
7. Beyatlı, Y. K. Ufuklar [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.org/siir/1331/Ufuklar.html>.
8. Концепт боль в типологическом освещении / ред. В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – 424 с.
9. Beyatlı, Y. K. Vuslat [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.org/siir/1712/Vuslat.html>.
10. Бунин, И. А. Деревня [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1380.shtml.
11. Бунин, И. А. Сила [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1440.shtml.
12. Beyatlı, Y. K. Nayal şehir [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.Org/siir/4102/Nayal+DEehir.html>.
13. Beyatlı Y. K. O rüzgâr [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.org/siir/255/I0+R%FCzgar.html>.
14. Beyatlı, Y. K. Endülüs'te raks [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.Org/siir/2100/End%FCI%FCste+Raks.html>.
15. Beyatlı, Y. K. Nazar [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.org/siir/1327/Nazar.html>.
16. Beyatlı, Y. K. Yol düşüncesi [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.org/siir/5547/Yol+D%FC%FE%FCncesi.html>.
17. Beyatlı Y. K. Rindlerin akşamı [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.org/siir/1711/Rindlerin+Ak%FEami.html>.
18. Beyatlı, Y. K. Sonbahar [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.org/siir/2098/Sonbahar.html>.
19. Beyatlı, Y. K. Atik-Valde'den inen sokakta [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.siir.gen.tr/siir/yahya_kemal_beyatli/atikvaldeden_inen_sokakta.html.
20. Юсипова, Р. Р. Турецко-русский словарь / Р. Р. Юсипова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. – X, 692, [2] с.
21. Beyatlı, Y. K. Deniz Türküsü [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.Org/siir/4101/Deniz+T%FCrk%FCs%FC.html>.
22. Beyatlı, Y. K. Duyuş ve düşünuş [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siirleri.org/siir/1325/Duyu%FE+ve+D%FC%FE%FCn%FC%FE.html>.

SUMMARY

The actual problem of modern cultural linguistics is the analysis of various concepts dealing with different world outlooks, in particular with the concept of «ache» in the Russian and Turkish languages. The contrastive studying of this concept in I. A. Bunin and Y. K. Beyath's works contributes to the solution of this problem.

Поступила в редакцию 04.11.2014 г.